

РУТ КАУТС

ХРИСТИАНСТВО В ТВОРЧЕСТВЕ БАХТИНА

(ПРОДОЛЖЕНИЕ)

Мария Вячеславовна Горбачёва

преподаватель кафедры филологии
Московской духовной академии
mary.gorbacheva@icloud.com

Сергей Владимирович Бадукин

аспирант Московской духовной академии
141300, Сергиев Посад, Троице-Сергиева Лавра, Академия

Вадим Евгеньевич Елиманов

аспирант Московской духовной академии
ассистент кафедры богословия Московской духовной академии
141300, Сергиев Посад, Троице-Сергиева Лавра, Академия
elimanov202@gmail.com

Для цитирования: *Рут Каутс. Христианство в творчестве Бахтина* / рус. пер. М. В. Горбачёвой, С. В. Бадукина, В. Е. Елиманова // Слово и образ. Вопросы изучения христианского литературного наследия. 2022. № 2 (7). С. 123–130. DOI: 10.31802/WI.2022.7.2.009

Аннотация

УДК 27-29

Настоящая публикация продолжает цикл переводов, цель которых — познакомить русскоязычного читателя с содержанием наиболее важных разделов исследования Рут Каутс (Ruth Coates) «Христианство в творчестве Бахтина» («Christianity in Bakhtin»)¹. Перевод

1 Coates, Ruth. *Christianity in Bakhtin*. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. (Cambridge studies in Russian Literature).

Введения («Introduction») см. в Слово и образ. 2019. № 1 (1). С. 133–143; Слово и образ. 2021. № 1 (2). С. 131–151.

Ключевые слова: Бахтин, Рут Каутс, христианство.

Coates Ruth. Christianity in Bakhtin

Maria V. Gorbacheva

Lecturer at the Department of Philology
at the Moscow Theological Academy
mary.gorbacheva@icloud.com

Sergey V. Badukin

PhD student at the Moscow Theological Academy
Holy Trinity-St. Sergius Lavra, Sergiev Posad 141300

Vadim E. Elimanov

PhD student at the Moscow Theological Academy
Assistant at the Department of Theology at the Moscow Theological Academy
Holy Trinity-St. Sergius Lavra, Sergiev Posad 141300
Russiaelimanov202@gmail.com

For citation: Ruth Coates. Christianity in Bakhtin / Translation from English by Mariya V. Gorbacheva, and Sergey V. Badukin, Vadim E. Elimanov. *Word and Image: Questions of Studying the Christian Literary Heritage*, № 2 (7), 2022, pp. 123–130 (in Russian). DOI: 10.31802/WI.2022.7.2.009

Abstract. This publication continues the cycle of translations, purposing to acquaint the Russian-speaking reader with the content of the most important sections of Ruth Coates' study "Christianity in Bakhtin". For a translation of the Introduction, see *Word and Image: Questions of Studying the Christian Literary Heritage*. 2019. № 1 (1), pp. 133–143; *Word and Image: Questions of Studying the Christian Literary Heritage*. 2021. № 1 (2), pp. 131–151.

Keywords: Bakhtin, Ruth Coates, Christianity.

Грехопадение и вочеловечение Иисуса Христа с точки зрения философии поступка

Мир смыслов бесконечен и самодостаточен, она делает меня ненужным, мой поступок для него случаен. Это область бесконечных вопросов, где возможен и вопрос о том, кто мой ближний

Самые ранние сохранившиеся тексты Бахтина относятся к первой половине 1920-х годов. Они включают очень краткий очерк под названием «Искусство и ответственность» (1919) и два гораздо более длинных, хотя и неполных, философских очерка, известных как «Автор и герой в эстетической деятельности» и «Философия поступка». «Автор и герой» — это трактат по эстетике; он составляет тему следующей главы.

«Философия поступка» почти наверняка была написана до «Автора и героя», но даже если это было не так, она предшествует ему по тематике. Мы знаем это, потому что в «Философии поступка» сам Бахтин даёт набросок большого философского проекта (который он так и не завершил) в четырёх частях, из которых «Философия поступка» является первой. Вторая часть должна была быть посвящена эстетике, поэтому разумно предположить, что ей соответствует как раз «Автор и герой», а третья и четвёртая части должны были быть посвящены политической и религиозной этике соответственно. Эти последние две части, если они когда-либо и были начаты, к сожалению, не сохранились.

Все эти сочинения были написаны Бахтиным в годы его учёбы в Невеле и Витебске сразу после окончания Петроградского университета в 1918 году. На момент их написания он был большим светилом в кругу интеллектуалов из различных дисциплин, которые регулярно встречались для обсуждения многих насущных тем. На повестке дня стояли самые последние тенденции в немецкой философии, доминирующее в ней в то время неокантианство, которое было предметом ожесточённых споров в постреволюционном интеллектуальном мире. Как отмечают Катерина Кларк и Майкл Холквист, Бахтин обладал глубоким знанием немецкой философии и имел плодотворные отношения, которые он установил в Невеле с М. Каганом (1889–1937). Сам М. Каган, быв старше Бахтина, провёл девять лет обучения в Германии и был хорошо знаком с Марбургской школой неокантианцев. Сочинение «Философия поступка» как раз возникло под влиянием этого интеллектуального климата; это было, с одной стороны, исследование, а с другой — реакция на ключевые неокантианские идеи.

Бахтин описывает «Философию поступка» как анализ «основных структурных особенностей реального мира»; это его попытка создать «первую философию» (*prima philosophia*)². В некотором смысле всё, что Бахтин продолжал в дальнейшем писать, вытекает из основных философских предпосылок, изложенных им в “Философии поступка”, и поэтому кажется уместным начать наше исследование с анализа именно этого сочинения.

К философии поступка

Бахтин использует ряд базовых оппозиций [противоположных по содержанию терминов — прим. пер.] в качестве основы для своих рассуждений. Наиболее важным из них является различие между «данным» и «заданным» способами реальности. «Данный» способ характеризуется закрытостью и застоём. Он «завершённый», настоящий, или «наличный», и «самодовольный». Если в «данном» мире и происходит развитие, то только в соответствии с законами причинности, поскольку это автономная сфера, которая никогда не сможет превзойти саму себя. «Заданный» способ реальности, с другой стороны, характеризуется открытостью и процессом. Он находится в состоянии развития и является зависимой, не самодостаточной, но ищущей свою истинную и наиболее полную идентичность за пределами самой себя.

Бахтин обладает сложным пониманием того, как данный и заданный способы реальности распределяются внутри мира, или внутри «бытия», если использовать его любимый термин. Разные описания этого различия [между данным и заданным способами реальности] сосредоточены вокруг того, что Бахтин выделяет в качестве нескольких ключевых областей внутри человеческой культуры. На одном уровне существует различие между продуктом культурной деятельности и самой деятельностью, причём первая является частью замкнутой интеллектуальной области, развивающейся в соответствии со своими собственными внутренними, автономными законами, где все является теоретической возможностью, но ничто не является реальным, а вторая коренится в реальном времени и пространстве, в том, что Бахтин называет «открытым событием бытия». Культурный продукт, конечно, является «данным», в то время как культурный акт — «заданным».

2 Бахтин М. М. К философии поступка // Бахтин М. М. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 1. М., 2003. С. 12.

По крайней мере каждое отдельное действие состоит из «данного» продукта и «заданного» действия, которое порождает этот продукт. Что касается человека, то он в своей жизни проявляет как «данную», так и «заданную» формы бытия. Согласно Бахтину, наше восприятие вещей по сути оценочно (имеет аксиологическое измерение) и зависит от определённых реляционных категорий, которые он называет «Я-для-себя», «другой-для-меня» и «Я-для-другого»³. Эти категории определяют, действуем ли мы как «данность» или как «заданность». Я воспринимаю себя незавершённым и развивающимся, но другие люди воспринимают меня завершённым и целостным. Точно так же по своей природе я, как субъект, и активен, и задан, тогда как в качестве объекта я [всегда] пассивен и дан.

Эти наборы противопоставлений, как они сформулированы здесь, кажутся чёткими и неизменными, но Бахтин стремится найти основания, с помощью которых два аспекта бытия могут быть поняты как единство. Действительно, демонстрация единства реальности, можно сказать, была доминирующим стремлением Бахтина в его ранних работах. В первом предложении книги «Искусство и ответственность» мы находим следующую мысль: «Целое называется механическим, если отдельные элементы его соединены только в пространстве и времени внешней связью, а не проникнуты внутренним единством смысла»⁴. Как, задаётся здесь вопросом Бахтин, могут быть объединены три области — искусство, наука и жизнь? Эта проблема повторяется в «Философии поступка»:

«Напротив друг друга находятся два мира, абсолютно не сообщающиеся и не проницаемые друг для друга: мир культуры и мир жизни, единственный мир, в котором мы творим, познаем, созерцаем, жили и умираем; мир, в котором объективируется акт нашей деятельности, и мир, в котором этот акт единожды действительно протекает, свершается»⁵.

Необходимо, продолжает Бахтин, найти единую плоскость, на которой две грани этого Януса могли бы взаимно определять друг друга в отношении всеобъемлющего единства. Поскольку, как мы видели, мир культуры для Бахтина демонстрирует все характеристики «данности», а мир жизни — все характеристики «заданности», то кажется, что плоскость, о которой он говорит, объединит их вместе.

3 Там же. С. 49.

4 Там же. С. 5.

5 Там же. С. 7.

Бахтин определяет человеческий поступок как место объединения «данного» и «заданного» бытия. Для Бахтина индивидуальная жизнь может рассматриваться как сложный поступок. Моя жизнь — это поступок вхождения или присоединения к более широкому событию бытия: «[Мир] находится мною, поскольку я исхожу из себя в моем поступке-видении, поступке-мысли, поступке-деле»⁶. Мысли, чувства и переживания, которые вместе составляют мою жизнь, — всё это, в свою очередь, поступки, разыгрывающие драму вступления в жизнь в малом масштабе.

Но поступок не только приобщает субъект к миру, он также обладает возможностью согласовать продукты культуры с жизнью. Бахтин посвящает двадцать страниц опровержению распространённого в его время предположения о том, что ключ к единству культуры и жизни можно найти в одной из ветвей культуры, будь то этика, эстетика или психология. Он утверждает, что нельзя включить жизнь в теорию, теория должна рассматриваться только как одна из свойств жизни. Только человеческий поступок в его перформативном аспекте познаёт и обладает жизнью в целом:

«Только ответственный поступок один преодолевает всякую гипотетичность, ведь ответственный поступок есть осуществление решения уже безысходно, непоправимо и невозвратно; поступок - последний итог, всесторонний окончательный вывод; поступок стягивает, соотносит и разрешает в едином и единственном и уже последнем контексте и смысл и факт, и общее и индивидуальное, и реальное и идеальное, ибо всё входит в его ответственную мотивацию; в поступке выход из только возможности в единственность раз и навсегда»⁷.

Ответственность имеет решающее значение для бахтинской концепции поступка и основана на факте нашей единственности (уникальности) как «я», на том, что Бахтин называет нашим «не-алиби в бытии», из чего следует, что «то, что мною может быть совершено, никем и никогда совершено быть не может»⁸. Столкнувшись с этим фактом, я могу либо проигнорировать его, либо признать и построить все вокруг осознания моей моральной ответственности за мои уникальные действия. В последнем случае все, что я делаю, становится подтверждением моей единственности (уникальности) в бытии и связывает меня

6 Там же. С. 53.

7 Там же. С. 29.

8 Там же. С. 39.

с ним. Кроме того, в своём ответственном действии я объединяю все оппозиции в своём лице, не искореняя их:

«Здесь неслиянно и нераздельно даны и момент пассивности, и момент активности: я оказался в бытии (пассивность) и я активно ему причастен: и мне данное и заданное: моя единственность дана, но в то же время есть лишь постольку, поскольку действительно осуществлена мною как единственность, она всегда в акте, в поступке, т. е. задана; и бытие и долженствование: я есмь действительный, незаменимый и потому должен осуществить свою единственность»⁹.

Таким образом, здесь мы имеем три вида единства в поступке: во-первых, я един с миром, во-вторых, умозрительный мир вовлечён в событие бытия, и, в-третьих, в поступке человек объединяет в своём лице «данный» и «заданный» аспекты реальности.

Таков, вкратце, главный аргумент очень насыщенной и сложной «Философии поступка». В ней мир представлен как имеющий два аспекта реальности, а человеческий поступок понимается как средство, с помощью которого эти два аспекта могут быть объединены в органическое единство. Что интересно в этом, так это то, что двойственный аспект реальности воспринимается Бахтиным как проблема, для которой человеческое действие предлагает возможное (но не гарантированное) решение: кажется, что в мире Бахтина происходит экзистенциальная драма. Его понимание реальности включает в себя осознание «первородной вины» и сильное чувство нравственной борьбы в попытке преодолеть разрыв [между «данным» и «заданным»]. Вероятно, именно это, в сочетании с его почти визионерским оптимизмом в отношении потенциала [существования] жизненной важной моральной вселенной, объясняет живость творчества Бахтина. Ещё более интересными, с точки зрения религиозного прочтения Бахтина, являются некоторые фрагменты текста, которые убедительно свидетельствуют о том, что эта экзистенциальная драма понимается именно в христианском дискурсе. В качестве отправной точки для дальнейших размышлений я хотел бы предположить, что «Философия поступка» может быть не без оснований прочитана через христианские мотивы греха, или грехопадения, и Воплощения.

Бытие грехопадения

Мы видели, как сознательное осуществление личной ответственности является краеугольным камнем видения Бахтиным единой живой реальности. Но очевиден потенциал трагедии, присущий свободе выбора индивида в признании или непризнании своей экзистенциальной уникальности и обязательств, которые, по мнению Бахтина, свобода выбора налагает на него. Повторив, что мы, как уникальные личности, несём ответственность за все «другое», потому что именно для нас оно является «другим», соглашается Бахтин:

«Конечно, этот факт может дать трещину, может быть обеднён: можно игнорировать активность и жить одной пассивностью, можно пытаться доказать своё алиби в бытии, можно быть самозванцем. Можно отказаться от своей долженствующей единственности»¹⁰.

Первое, на что следует обратить внимание в этом фрагменте, — это слово «split», по-русски «трещина», которое также можно перевести как «щель» или «линия раскола»: термин сильный. В другом месте эссе то же явление упоминается как «gulf» (бездна) или, что характерно, как «schism» (раскол). Как я уже указывал, из контекста видно, что трещина проходит через каждый аспект бытия, отделяя все закрытое, абстрактное, безличное, повторяющееся и глухое к ценности («данному») от самого события бытия как жизненного, открытого, личного, уникального процесса, наполненного ценностью («заданным»). По сути, эта пропасть разделяет саму жизнь и духовную смерть.

(Продолжение следует)